

Феликс Кохрихт

Голова моя Садовая

Воспоминания

Я родился незадолго до начала войны в доме № 13 по улице Софиевской угол Торговой. Утром 22 июня 1941 года спал на балконе нашей квартиры и даже не проснулся, когда вернулся с выпускного вечера старший брат Аба, получивший накануне аттестат об окончании десятого класса. Не помню и того, как он на другой день отправился в военкомат. Вместе с ним пошел наш отец Давид Израилевич Кохрихт – выходец из семьи известных ювелиров. В Первую мировую он, доброволец-вольноопределяющийся, заслужил на Румынском фронте два солдатских Георгия и две медали. В 1923 году у него с первой женой Ниной родился сын Абрам – Аба, чья мама умерла при родах, папа воспитывал его один... До чисток 30-х годов он славно служил в одесской милиции: сражался с бандитами, занимал командные посты в сыске... В 1933-м внук купца первой гильдии, беспартийный большевик Д.И. Кохрихт по совету начальства своевременно переквалифицировался в управдомы, женился на моей будущей маме Софье Ставницер и в конце 1939 года, аккуратно в Финскую кампанию, появился я. Контузия 1917-го дала отцу о себе знать в 1941-м, и его тут же комиссовали вчистую, а брат мой пошел на войну, окончил трехмесячный курс Краснодарского артучилища (там же учился и отец Олега Губаря), и первую медаль «За отвагу» (старую, на прямоугольной колодке) получил зимой 1941-го на Кавказском фронте...

Впервые я увидел брата летом 1945 года, когда он, в свои 22 года гвардии старший лейтенант – артиллерист в орденах и медалях, прибыл в Одессу в отпуск из Берлина, который брал. И оказался бездомным... С вокзала сразу помчался на Софиевскую, в дом, откуда ушел на фронт, и от новых хозяев узнал, что наша

семья там больше не живет. Дело в том, что когда мы осенью 1944-го вернулись из эвакуации в Одессу, узнали, что нашу квартиру занял важный чин, – такое тогда случалось. Отец, назначенный на высокую должность в горжилуправлении, имел право и возможность получить взамен достойное жилье, но предпочел следовать своим принципам сугубого идеалиста. И мы поселились в одной комнате в коммуналке на Садовой, 6, квартира 12. Все удобства – во дворе, отопление – буржуйка, готовили на примусе.

Сюда и прибыл Аба из столицы поверженного Рейха. Вечером выпил с папой бессарабского вина, перезарядил свой ТТ и направился изгонять захватчиков из нашего родового гнезда. Вот это я уже помню – то, как отец на Торговой умолял сына одуматься и в конце концов выбил из рук старлея пистолет, к глубокому того изумлению. Как и Тарас Бульба, он и в весьма зрелые годы сохранил боевые навыки и завзятый норов. Когда я чуть подрос, папа, выпимши в соседней бодеге, показывал мне приемы штыкового боя, пугая соседей молодецким: «Вперед – коли, назад – прикладом бей!». Я был в восторге, а мама с легкостью забирала у воина нашу единственную швабру...

Наша комната выходила окнами на первый двор, но вход был со второго подъезда, ведущего в тот, где находилась инфраструктура, одна на весь двор водяная колонка и двухчочковый сортир, куда ходили все, кроме жильцов нескольких квартир, в одной из которых раньше жил бывший владелец дома доктор Петрушкин. Знаменитый на весь город педиатр, как рассказывала мама, до войны лечил меня от простуды в нашей квартире на Софиевской. Судьба его была печальной, как и многих наших родичей и знакомых, не успевших покинуть город до прихода румын...

В первые же дни на новом месте я познакомился со сверстниками. В Грузии, которая нас приютила, я общался лишь с местными ребятами и играл с ними в их «горные» игры. Но в Одессе традиции и правила оказались иными, и мне пришлось осваивать и «штандер», и «цурки-гилки». В нашем альманахе уже не раз публиковались воспоминания моих ровесников о том, как проходил тогда день в доме, подобном нашем: о старьевщиках, стекольщиках, молочницах, гадалках... О песнях на общих застольях, о пьющих инвалидах, о чудаковатых соседях... Не стану повторяться.

No. 41. Одесса - Садовая улица, съ угла Преображенской
и Дерибассовской.
Odessa - Rue Sadowaya, vue du coin des ruès
Preobrachenskaya et Deribas.

Начало улицы Садовой, угол Преображенской. Справа – аптека Гаевского.
В моем детстве трамвайные вагоны были уже другими...

Расскажу вот о чем. По соседству с нашим домом находились, как нынче говорят, градобразующие объекты, причем с богатой историей. Громадное, частично разрушенное в войну здание Главпочтамта, где мы делились на казаков и разбойников. Его восстанавливали пленные немцы, ходившие без конвоя. Они заглядывали в наш двор и, с извиняющимися улыбками что-то лопоча, предлагали нашим мамам искусные поделки из дерева – скалки, хлебные доски, шкатулки для ниток... Подманивали и нас, детвору, игрушками. Тогда я впервые увидел Щелкунчика с пастью, способной раскусить орех, и он мне не понравился. Вот что сегодня поражает меня. Женщины нашего двора не только не гнали их взашей, но и сердобольно выносили из дому ломти хлеба, фунтики сахара, яблоки, могли и борща плеснуть в котелок пленного врага...

О каждом из них мог бы рассказать Олег Губарь, который много лет был моим консультантом... Но его уже нет с нами. На сей раз соавторами рассказа о моей Садовой стали Ева Краснова и Анатолий Дроздовский – выдающиеся собиратели всего, что связано с Одессой. В их коллекции тысячи документов, раритетов

и артефактов. Они снабдили меня старинными открытками, на которых те памятники архитектуры и культуры, о которых я вспоминаю. Особенно важно, то на них Садовая видна от первых номеров (угол с Преображенской) до замыкающего улицу Нового базара.

Разместил их – и вы увидите Одессу конца XIX – начала XX века. К счастью, эти здания, кроме Главпочтамта, не пострадали в годы войны, и я тоже осенью 1944 года видел их такими.

Наш – четный квартал Садовой, да и всю улицу, замыкал знаменитый Одесский цирк, воспетый Куприным. Правда, не главный фасад, а тыльная сторона здания со входом, ведущим на стоячую галерку. Сюда мы в толпе зрителей проканывали на воскресные дневные представления (и билетеры это видели!). Тянули поверх барьера шею, чтобы увидеть стройные ноги и усталые лица воздушных гимнасток сестер Кох. Я важно уверял пацанов, что они мои тетки, а фамилию укоротили ради броских цирковых афиш...

Квартал напротив завершал комплекс ампирических зданий, где после Дерibasовской размещался лицей, а потом гимназия, где учился Юрий Олеша, который дивно описал свой поход из дома на Садовую в моей любимой книге «Ни дня без строчки».

В ночь на 9 мая 1945 года расквартированные здесь военные моряки разбудили нас пальбой из трехлинейек, автоматов ППШ и пистолетов. Я, как и многие пацаны, уже умел различать выстрелы из разного оружия. Мама схватила меня на руки и приготовилась спасаться, папа с интересом выглянул в окно во двор, где уже собрались галдящие соседи... Спустя минуту мы уже знали, что это салют в честь Победы. Нас – двор, Садовую, Одессу – охватило ликование, которого я нигде и никогда больше не испытывал.

В начале 50-х в этом здании разместился экипаж (казарма) Одесского военно-морского медицинского училища, курсантом которого я стал в 1957 году волею судьбы – грубо завалили на последнем экзамене и не приняли в филфак университета. Впрочем, скоро нашу «бурсу» расформировали, и после окончания курса «на гражданке» я вместо службы на подводной лодке отправился работать в психбольницу на Слободке, и опыт, приобретенный там, помогает мне и сейчас воспринимать и переносить многое в нашей жизни.

И все же доминантой этого фрагмента застройки города был и остается Новый базар. Будь рядом Губарь, он поправил бы меня

ОДЕССА. — ODESSA. № 138.
Циркъ „Варьете“. — Cirque „Varieté“.

Цирк. Парадный вход с Коблевской (много лет была – Подбельского)

Садовая угол Торговой. Легендарное здание Ришельевского лицея (после ухода с Дерибасовской), затем гимназия. После войны – Военно-морское медицинское училище

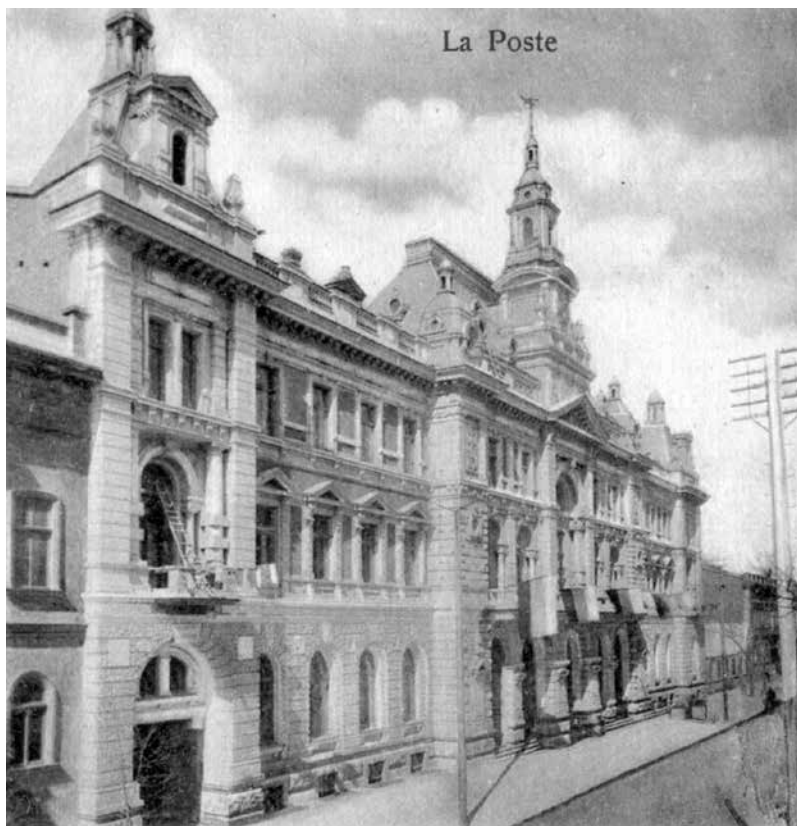
и вразумил... И далее я расскажу лишь о том, каким увидел это чрево Одессы послевоенный пацан, живущий с ним по соседству... Базар запомнился мне главным образом самыми яркими и неповторимыми персонажами – городскими сумасшедшими. О них Губарь писал и даже основал в продолжение традиции Клуб городских сумасшедших, действительными членами которого и сегодня остаются профессор Андрей Добролюбский и я. О них вспоминал Александр Розенбойм. Но я-то был современником этих шутов господ бога, Олег значительно моложе, Саша был дитя Привоза, а там были другие блаженные... Новый базар стал Форумом, Ареной ди Верона, Колизеем. Лобным местом моего кумира с позывными «Мишка-режет-кабана», который, подобно дервишу, кружился на одной ноге в рваной солдатской обмотке, извлекая при этом из балалайки запредельные медитативные звуки... Сегодня я понимаю, что он – его образ – мог стать персонажем фильмов Федерико Феллини и Киры Муратовой...

Раз уж были упомянуты психбольница на Слободке и блаженные духом с Нового базара, то расскажу и о школе № 75, где рядом с нами в доме 4 набирались ума и разума дети с особенным восприятием реалий и иллюзий жизни. И вот что любопытно: где бы я ни учился, однокашники, узнав мой домашний адрес, интересовались, почему же я тащусь в школу за несколько кварталов, а не хожу в ту, что рядом. На что я, пребывая первоклассником школы имени Столярского, отвечал будущим знаменитым музыкантам, что в 75-й конкурс повыше, чем в Столярке. И от меня отстали.

Но виолончелиста, как и подводника, из меня не получилось. Отринув напрочь нежный инструмент, я перешел в неполную среднюю школу № 53, где моими одноклассниками были в основном переростки: пацаны, в годы войны отставшие от школ. И еще дети циркачей. Я дружил с двумя Запашными – дедушками нынешних звезд. Но самым ярким корешем, причем на многие годы, стал Аркаша Астафьев. Будущий обладатель титула «Золотая труба Одессы» отличался живостью характера, редким талантом звукоподражания и стойким отвращением к занятиям по любому предмету, кроме пения. Он не только был моим соседом по парте, но и жил рядом – на Садовой, 16.

...Среди феноменов того времени была и наша естественная, органичная способность жить в условиях, которые трудно себе представить нынешнему поколению – даже вполне среднего возраста. Вот тому пример из истории нашей семьи. Сразу после войны из эвакуации приехал в Одессу старший брат моей мамы Михаил Фроймович Ставницер с женой тетей Шурой и моими двоюродными сестрами Радой и Симой, братьями Эриком, Вадимом, Виктором и Алешей – самым младшим, почти моим ровесником. Впрочем, он был по паспорту Михаилом, но всем известен как Алексей Михайлович – альпинист, создатель мощного объединения ТИС. Итого в комнате в 30 метров без «всего» не только жили, но и по-родственному уживались трое хозяев и восемь гостей...

И напоследок – сюжет, который мог бы стать основой сценария фильма о странных сближениях и ментальных двойниках. Его реальность сегодня могут подтвердить автор этих строк и тот, кто пережил перемену имени и участи и стал героем рассказа.

Главпочтамт. За телеграфным столбом – мой дом № 6

Нашими соседями по шестому номеру на Садовой была семья по фамилии Калика. Одни женщины – от прабабушки до внучек, Софы и Жанны. Все мужчины рода погибли во время войны... В конце 50-х я начал писать рассказы, которые нравились Юре Михайлику и Аркадию Львову, иногда читал их коллегам-журналистам, ребятам из литобъединений и опубликовал несколько в газетах, в которых работал. Один из рассказов, «Листики-цветики», имел лирического героя Сеню Калику. Он (по

Главпочтамт, операционный зал. Обратите внимание: все мужчины в белых штанах, как в Рио-де-Жанейро, городе-мечте Остапа Бендера

сочиненному сюжету!) до войны жил в нашем доме, в котором росло всего одно дерево – старая абрикоса, способная угостить своими плодами всех детей дома, да еще и взрослым оставалось. Сеня и тетя Дуся со второго этажа строго следили за тем, чтобы всем досталось поровну.

Когда освободили Одессу, Сеня с родителями (как и мы!) вернулся домой. Случилось это в середине лета: на дереве созрел небывалый урожай дивных, как никогда, плодов. Подросший Сеня легко взобрался на толстую ветку и стал громко по именам и прозвищам созывать ребят, с которыми предстояло возобновить традицию. Он кричал, свистел в два пальца (научился в эвакуации от беспризорников), но никто не откликнулся, никто не пришел на Мистерию снятия урожая.

После войны в доме не осталось ни одного ребенка...

Сегодня, в пересказе, вновь огорчился изрядной высокопарности, излишнему (на нынешний вкус) пафосу, но дело не в переоценке юношеского рассказа, а в том что с ним, со мной и с его героем произошло в конце 80-х годов. Тогда ко мне обратились два

архитектора, ставшие удачливыми бизнесменами, и предложили собрать коллекцию работ молодых художников-нонконформистов для Центра современного искусства ТИРС и впоследствии стать его президентом. Один из них – Георгий Котов (вскоре мы стали друзьями), а второй при первой встрече заставил меня вспомнить рассказ о мальчике и абрикосовом дереве. Я рассказал о нем коллеге Жорика Семену Калике, упомянув адрес – Садовая, 6, и время создания – начало 60-х. И он, и Жорик удивились такому совпадению – и имени, и довольно редкой фамилии. И тут я услышал то, что и сегодня, спустя десятилетия, представляется мне не случайным, а неким... если не феноменальным, то впечатляющим примером пересечения в пространстве и времени судеб реальных людей с вымышленными персонажами.

А вот и объяснение на уровне реальных событий и здравого смысла. Оказалось, что в то время как я сочинял рассказ, студент Сеня Шор (он несколько моложе меня) ухаживал за Жанной Каликой и часто приходил к ней в гости на Садовую, 6. Когда они решили пожениться, пришли к родителям невесты за благословением. И прабабушка сказала: «Мы согласны на ваш брак, но просим тебя, Сеня, перейти на нашу фамилию и продолжить мужскую линию рода Калик, чтобы не исчезли мы...». Так он и сделал.

...В этом доме родилась и наша семья: Таня пришла в уже переделенную на две части комнату, и мы прожили здесь четыре года – все в тех же условиях... В 1968-м получили квартиру, и я покинул дом и двор, в котором прожил двадцать восемь лет.

После ухода родителей не был там ни разу. Лишь проезжая по Садовой, со щемящим волнением вглядываюсь из окошка авто или троллейбуса в открытую створку ворот и иногда успеваю увидеть арку второго подъезда и над ней окно, в котором чудится смутный силуэт за занавеской...

Долго думал, как же озаглавить эти заметки. И, уже поставив точку в последнем абзаце, вспомнил, как тетя Дуся гладила меня по огненно-рыжей тогда голове, и приговаривала:

– Эх ты, голова Садовая!

10 апреля 2022 г.